

Управление умершими: дисциплина и биополитика

ДЕНИС СКОПИН

Доцент факультета свободных наук и искусств, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Адрес: 190121, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58–60. E-mail: denis.skopin@mail.ru.

Ключевые слова: дисциплина; биовласть; тело; смерть; лагерь; кремация; погребение; бальзамирование.

В теории Мишеля Фуко важное место занимает анализ практик, применяющихся к телам подвластных субъектов: распределения их в пространстве, муштры, наказания, предания смерти и т. д. В статье предпринята попытка проанализировать практику обращения с мертвыми телами, которая определяется не ритуалом, а господствующими политическими механизмами. Автор переносит логику анализа Фуко на мертвое тело, в первую очередь на тело «политического» заключенного.

Можно утверждать, что мертвое, как и живое, тело оказывается на перекрестке двух типов власти, описанных Фуко, а именно дисциплинарной власти и биополитики. С одной стороны, на тело обращена серия дисциплинарных мер, преследующих цель его идентифицировать, индивидуализировать, не позволить

ему слиться с массой других мертвых тел, полностью выработавших заложенный в заключенных «полезный потенциал». С другой стороны, на тело заключенного могут направляться более радикальные, омассовляющие и анонимизирующие практики, трактующие его как часть популяции, подлежащую искоренению. В статье анализируются два способа обращения с мертвым телом — погребение и кремация. В XX веке ритуальное значение погребения и кремации заменяется политическим, особенно в ситуации использования их в качестве репрессивных мер, направленных на тело заключенного уже после его смерти в концентрационных и трудовых лагерях. С точки зрения их политического содержания эти две практики отнюдь не тождественны.

КАК известно, проблема смерти, а вернее, предания смерти занимает важное место в размышлениях Фуко. Анализируя казнь Дамьена, он показывает, что ее процедура определяется типом власти — в данном случае публичная казнь необходима для придания «блеска» власти суверенной. Впоследствии Фуко указывает, что при возникновении в начале XIX века биовласти старая власть дисциплинарного толка не исчезает, однако вступает в определенные комбинации, сочленения (*s'articule*) с биовластью. В то же время возникает определенный конфликт между противоположными требованиями, исходящими от каждой из двух властей («заставить умереть» и «заставить жить»). Данный конфликт является парадигматическим для современного мира и находит свое «разрешение» в таком явлении, как расизм.

Однако дальнейший анализ биовласти у Фуко развивался в совершенно ином направлении¹. Парадоксальным образом он не говорит о феномене, в котором в концентрированном виде предстает специфический «закон» современности, — концентрационных лагерях.

Проблема лагеря является предметом изучения Джорджо Агамбена, который начинает свои размышления там, где остановился Фуко. Как полагает Агамбен, именно лагерь делает возможным характерное для современности «примирение», артикуляцию двух типов власти, формулы которых противоположны. Эта артикуляция находит свое выражение не только в физической смерти жертвы, но и в производстве так называемого мусульманина — на лагерном жаргоне это слово означало заключенного в крайней стадии истощения². «Мусульманин» не просто умерщвляется в силу «сочетания» суверенной и биовласти. По Агамбену, жертва лагеря в определенном смысле «не умирает»: лагерь производит разделение животной и органической жизни в человеке,

Статья написана на основании доклада, прочитанного на конференции «Актуальность Фуко. Идеи Мишеля Фуко и современное общество», которая была организована Центром изучения гражданского общества и прав человека и прошла при финансовой поддержке Фонда им. Эндрю Гагарина на факультете свободных искусств и наук (СПбГУ) 14–15 декабря 2017 года.

1. В цикле лекций «Рождение биополитики» Фуко анализирует английский либерализм как пример биополитики.
2. Агамбен Дж. Номо Сасер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. С. 92.

заставляя жертву жить после умирания в ней так называемой животной жизни, то есть после смерти в человеке всего человеческого, его «верхнего этажа».

Однако в дисциплинарных и биополитических категориях можно рассматривать практику обращения не только с живым, но и с мертвым телом, учитывая при этом, что само понятие «живого», разграничение живого и мертвого является отдельной проблемой. Анализируя казнь Дамьена, Фуко привлекает внимание непосредственно к процессу казни. Но важен и тот факт, что и после смерти «преступника» его останки подвергаются особой процедуре: они не захоронены, а сожжены. Это действие оказывается столь же непростым в осуществлении, как и остальные детали казни:

Во исполнение приговора все было сожжено дотла. Последний кусок, найденный в тлеющих углях, еще горел в половине одиннадцатого вечера. Куски мяса и туловище сгорели часа за четыре³.

Практику обращения с мертвыми телами Фуко анализирует и в известном тексте о гетеротопиях, символических пространствах, которые, в отличие от утопий, являются реальными⁴. Он рассуждает здесь о кладбищах, показывая, что в конце XVIII века их функция меняется. Фуко связывает эту перемену с изменением отношения к телу в западной цивилизации. Если прежде в культуре спасения души тело не имело большого значения, то в момент возникновения дисциплинарной парадигмы мертвые тела, так же как и живые, подвергаются определенному «дисциплинированию», регуляризации: во-первых, умершие индивидуализируются, поскольку у каждого отныне свой, индивидуальный гроб (данный процесс в целом соответствует дисциплинарной тенденции распределения тел в пространстве); во-вторых, умершие подлежат своеобразному исключению, «стигматизации» — останки объявляются заразными, а сами кладбища выносятся за пределы города (процесс соответствует дисциплинарной технике заточения «меньшинств»). Иначе говоря, мертвецы также подвергаются исключению, наряду с некоторыми категориями живых — сума-

3. Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. с фр. Вл. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 9.

4. Foucault M. Des espaces autres // Dits et écrits / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 1990. T. IV: 1980–1988.

шедшими, преступниками и т. д.⁵ Таким образом, Фуко дает описание обращения с мертвым телом в эпоху господства дисциплинарной парадигмы: кладбище предстает как аналог диспозитивов, тюрьмы и психиатрической больницы.

Вопрос, который следует здесь задать, состоит в следующем: что происходит с мертвым телом позднее, в момент возникновения новой техники власти — биополитики? В первой части статьи мы попытаемся ответить на него, обратившись к нескольким примерам из «свидетельской литературы». Далее будет предпринята попытка осмыслить политическое значение погребения и кремации — двух «техник» обращения с мертвым телом, которые также использовались в репрессивных практиках XX столетия.

Если наиболее показательный диспозитив дисциплинарной власти — тюрьма в том ее виде, в каком она описана у Иеремии Бентама, то концентрационный лагерь является местом наиболее полного осуществления биовласти; в целом он представляет собой специфически современную парадигму управления. Таким образом, чтобы понять, как влияет появление биовласти на отношение к мертвому телу (прежде всего телу «врага»), следует обратить внимание на практики обращения с мертвым телом заключенного в лагере.

Как известно, средневековые каноны («пляска смерти») отсылают к идее своеобразной «демократии смерти»: перед лицом смерти, которая одинакова для всех, социальные различия перестают существовать. В лагере можно наблюдать прямо противоположную ситуацию, поскольку «великая демократка смерть» (Шаламов) перестает быть одной для всех. Обращение с телами умерших зависит от их политического «статуса» и подчиняется особым правилам. Можно предположить, что, как и тело живое, мертвое тело оказывается на перекрестке двух властей, в месте их артикуляции.

С одной стороны, оно является предметом дисциплинарной власти; на него направляется бюрократия, мертвое тело учитывается, описывается, заносится во всевозможные регистры. Даже после смерти индивида дисциплинарная власть не отпускает тело, окружая его полем видимости. Погребальный обряд заменяется бюрократическим актом маркирования, которым занимается специальный «отдел учета смертей».

5. Вслед за Фуко этот тезис развивает Бодрийяр. См.: *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000.

Перед захоронением заключенного ГУЛАГа производились две процедуры дисциплинарного характера, цель которых состояла в том, чтобы отделить тело от остальных, идентифицировать его. Речь идет о мерах индивидуализации — классических техниках контроля, появившихся в XIX веке. Во-первых, это снятие отпечатков пальцев умершего с помощью типографской краски («ро-ля»»), которое производилось специальным отделом⁶. Вторая процедура — навешивание фанерной бирки с номером личного дела на левую голень. По инструкции надпись на бирке пишет-ся обычным графитовым карандашом: устойчивость графитового карандаша, вечность оставленной им отметки позволяет иденти-фицировать тело много лет спустя. Речь также идет о «классиче-ском» механизме учета, своеобразной страховке от сбоев в работе пенитенциарной системы: оформление в соответствии с инструк-цией осуществляется в чисто рационалистических целях, направ-ленное на предотвращение побега, закрепляя за мертвым телом его место внутри дисциплинарной системы, требующей строгого учета подконтрольных тел и их распределения в пространстве⁷.

Предание земле по лагерному уставу нельзя считать похороны-ми в принятом смысле слова. Напротив, с антропологической точ-ки зрения оно имеет мало общего с обрядом погребения. По мне-нию Фуко, дисциплинарные техники вторгаются в сферу обра-щения с мертвым телом сравнительно поздно, в XVIII веке. Если кладбище, как оно функционирует в XIX веке, представляет со-бою род диспозитива, то в случае лагеря дисциплинарные техни-ки контроля над мертвым телом врага достигают своей высшей точки.

6. «Пальцы мертвеца должны быть окрашены типографской краской, и за-пас этой краски, расход ее очень велик, хранится у каждого работника „учета“. Потому отрубают руки у убитых беглецов, чтобы для опознания не возить тела — две человеческие ладони в военной сумке гораздо удоб-ней возить, чем тела, трупы» (*Шаламов В. Графит // Малое собр. соч. СПб.: Азбука, 2016. С. 494*).
7. «Это оформление согласно специальной инструкции Гулага произво-дилось в чисто рационалистических целях, чтобы в принципе исклю-чить возможность всякой путаницы при лагерных захоронениях и оста-вить возможность в любой момент найти и проверить это захоронение. А вдруг под видом двадцатилетника Ивана будет погребен пятилетник Петр, а Иван впоследствии выйдет на свободу на пятнадцать лет рань-ше положенного срока? Такая возможность была почти только теорети-ческой, но ради ее предотвращения у мертвых людей снимали отпечатки пальцев, а к большому пальцу левой ноги покойника прикрепляли бир-ку с его установочными данными» (*Демидов Г. Без бирки // Чудная пла-нета. М.: Возвращение, 2008. С. 119*).

В одном из рассказов Шаламов противопоставляет бюрократическую процедуру «заточения» мертвого тела и ритуальные похороны. В силу странного стечения обстоятельств — сбоя советской бюрократической машины — умершую в лагере хоронят почти «по обряду». Заключение удостоивается того, чего заключенный в принципе удостоиться не может, а именно своеобразного «права на похороны». Вместо таблички со статьей на ее могиле устанавливают крест и табличку с именем (которого в действительности практически никто не знает, поскольку за время пребывания в лагере она почти утратила его). Это производит фурор в больнице: кладбище приобретает «кладбищенский» вид, все больные приходят посмотреть на крест как на чудо⁸.

Другой случай ухода от «заточения после смерти» описывается в рассказе Георгия Демидова «Без бирки». Главный герой испытывает непреодолимое отвращение к процедуре маркирования своего тела после смерти:

С первого же месяца своей жизни в лагере им овладело неодолимое отвращение к мысли, что в случае его смерти здесь над ним будет проделан ритуал, обязательный для «оформления» умершего арестанта на архив-три. <...> Этот ритуал показался Кушнареву кощунственным и омерзительным. Познакомился он с ним, и притом весьма близко, во время своей работы в похоронной бригаде одного большого прииска, на который бывший аспирант попал прямо с магаданской пересылки⁹.

Герой считает данную процедуру посмертным надругательством над человеком, своеобразным садизмом, который простирается и по ту сторону жизни заключенного. Однако «рояль» и «бирка» ожидают любого умершего в лагере:

...избавиться от последующего лежания в земле с инвентарной биркой на левой ноге и фанерной эпитафией из своих собственных установочных данных здесь нельзя. В спецлагере стерегут так тщательно не людей — им и без охраны уйти отсюда почти некуда — а некие предметы с инвентарными номерами. И дело не в том, жив или мертв заключенный, а в том, чтобы он сохранился как этот предмет. И из такого отношения к заключенным здесь не делается никакого секрета¹⁰.

8. Шаламов В. Тетя Поля // Малое собр. соч.

9. Демидов Г. Без бирки. С. 130.

10. Там же. С. 132.

Заклученный осознает свою непригодность к лагерю, невозможность выжить в этих условиях. Его смерть является лишь вопросом времени,

...а это значит, что через год, от силы два, придется лежать в дешевой мертвецкой с фиолетовым номером на пятке, ожидая очередь к «роялю» и бирке. От сознания этого охватывает чувство безысходности, которое бывает, наверно, у приговоренных не только к смерти, но и к посмертному глумлению над их телом¹¹.

Выходом может быть самоубийство, причем такое, чтобы гибель человека не стала одной из смертей, вписывающихся в лагерную статистику, не оказалась учтенной и поправленной. Решившись умереть, герой озабочен тем, как сделать свое тело недоступным для лагерного начальства и конвоя. Возможный вариант — убежать и умереть в тайге. Такая смерть причинит неудобства начальству, что также вызывает у заключенного удовлетворение. Главный же его мотив в том, что его мертвое тело будет надежно укрыто от администрации. Однако данный план не срабатывает: подобная смерть не является мгновенной, но предполагает пытку голодом, которой Кушнарев не выдерживает.

Тогда выбор Кушнарева состоит в том, чтобы не иметь тела вообще: в случае смерти от взрыва останки разметает по окрестностям, и подвязывание бирки делается невозможным. Освобождение своей смерти от дисциплинарного контроля — пусть даже ценой отсутствия тела и могилы — воспринимается героем как победа, как посмертное освобождение, как некое торжество над дисциплинарной составляющей лагерной машины. Подобная смерть вызывает уважение других заключенных.

Как показывает Фуко, дисциплинарной технике свойственен своеобразный экономический рационализм. Она осуществляет наиболее экономичным способом и задействует полезный потенциал тела. В этом смысле для дисциплинарной власти мертвое тело также является отходом лагерного механизма принудительного труда, который основан на контроле тел живых. Лагерь является предприятием, которое производит ценности, а трупы превращаются в отходы этого производства; смерть заключенного становится результатом полной выработки заложенного в нем, в его организме полезного производственного потенциа-

11. Там же. С. 134.

ла¹². В другом рассказе Георгия Демидова, «Дубарь», мы находим описание лагерных «похорон» и размышление о полной десакрализации смерти. Труп новорожденного, который должен похоронить герой рассказа, представляет собой отход лагерного производства, побочный «выброс» лагерного механизма. Изначально жизнь этого ребенка никому не нужна. Отцовство и материнство в лагере денатурируются, рассматриваются исключительно в бюрократическом смысле, как результат «недосмотра» начальства. Единственный известный автору случай декларирования «отцовства» (которое в лагере не обязывает ни к чему) — это ситуация, когда уголовник пытается извлечь выгоду из подобного положения. Труп ребенка должен быть похоронен не на поселковом кладбище, а на лагерном. Его похороны являются «выгодной» вещью. Отношение к маленькому трупу определяется с точки зрения трудозатрат; оно лишено какого-либо трепета и даже элементарного уважения к смерти, подчиняясь исключительно лагерному рационализму. Однако возникает парадоксальная ситуация. У постороннего человека возникает по отношению к этому ребенку не отвращение, а нежность. Это человеческое чувство совершенно чуждо лагерю, и автор его стесняется¹³.

Позитивистское, вульгарно-прозаическое отношение к мертвым телам зафиксировано и в лагерном жаргоне (умерший определяется как «жмурик» или «дубарь»)¹⁴. В нацистских лагерях эсэсовцы отказывали останкам заключенных в статусе «тел» и «умерших», заставляя членов «спецкоманд» использовать слова *Figuren* и *Schmattes* (см. «Шоа» Клода Ланцмана, 1985). Тело заключенного может становиться предметом своего рода индустриального использования, переработки, прежде всего «источником» золота¹⁵. Крайняя форма дисциплинарного рационализма

12. «Эта однообразная, пронумерованная сухочлененная организация, психологически уже изъятая из тела матери-Родины, имеющая вход, но не выход, поглощающая только врагов, выдающая только производственные ценности и трупы» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, V–VII. М.: Книга, 1990. С. 490).

13. Демидов Г. Дубарь // Доднесь тяготее. М.: Возвращение, 2004. Т. 2: Колыма.

14. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991.

15. «Работник учета, сотрудник „архива № 3“, должен составить акт о смерти заключенного в пяти экземплярах с оттиском всех пальцев и с указанием, выломаны ли золотые зубы. На золотые зубы составляется особый акт. Так было всегда в лагерях испокон века, и сообщения по поводу выломанных зубов в Германии никого на Колыме не удивляли. Государства не хотят терять золото мертвецов. Акты о выбитых золотых зубах составлялись испокон века в учреждениях тюремных, лагерных. Тридцать седьмой

заклучалась в превращении тел жертв в предмет индустриальной переработки.

С другой стороны, к мертвым телам применяются меры, которые можно назвать биополитическими. Рассуждая о взаимодействии двух парадигм власти и их работе с живыми телами, Фуко приводит в пример медицину. Согласно Фуко, медицина работает двумя способами: она обращается и на тело, и на население, и ее воздействие одновременно является дисциплинарным и биополитическим. Как уже упоминалось, эти два механизма располагаются на разных уровнях, так что возможно их взаимодействие. В случае мертвых тел также можно различить отношение к телу «на уровне популяции»: оно рассматривается как часть вражеской породы, которая должна быть уничтожена, искоренена, которая не должна выжить «в качестве рода». Останки врага не должны свидетельствовать о его существовании, тем самым обеспечивая ему некую форму продолжения жизни. Человек должен пропадать без следа, после него не должно оставаться тела и могилы¹⁶. Как и в случае с живыми телами, данное биополитическое требование противоречит дисциплинарным техникам, требующим учета и контроля. Однако в итоге индивидуализация входит в определенное сочетание с требованием омассовления, с восприятием тела как части породы.

Транспортировка трупов заключенных осуществляется в конвейерном, фабричном порядке (трупы складывают штабелями, в удобном для транспортировки порядке — как бревна, мешки с картошкой). Захоронение может быть не только индивидуали-

год принес следствию и лагерям много людей с золотыми зубами. У тех, что умерли в забоях Колымы — недолго они там прожили, — их золотые зубы, выломанные после смерти, были единственным золотом, которое они дали государству в золотых забоях Колымы. По весу в протезах золота было больше, чем эти люди нарыли, нагребли, накайлили в забоях колымских за недолгую свою жизнь» (*Шаламов В. Графит. С. 494*).

16. «В тоталитарных странах все места содержания арестованных, находящихся в ведомстве полиции, представляют собой настоящие рвы забвения, куда люди попадают случайно и не оставляют за собой таких обычных следов былого существования, как тело и могила. По сравнению с этим новейшим изобретением, позволяющим избавляться от людей раз и навсегда, старомодный метод убийства, политического или криминального, действительно неэффективен. Убийца оставляет труп, и хотя он и пытается уничтожить собственные следы, но он не в силах вычеркнуть личность своей жертвы из памяти живого мира. Напротив, тайная полиция заботится о том, чтобы казалось, будто жертва каким-то чудодейственным образом вообще никогда не существовала» (*Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 564–565*).

зирующей, дисциплинарной, но также и «омассовляющей» биополитической процедурой: как утверждают свидетели, существовали общие ямы, «куда валили вовсе без бирок» (Шаламов), без одежды и гробов¹⁷. Захоронение осуществляется не на кладбище, а в специально отведенных местах. Присутствие ограниченного числа других заключенных допускается лишь в исключительных случаях. Администрация пресекает попытки ритуализации предания земле, превращения лагерных мест захоронения в «кладбища», то есть в места памяти и паломничеств¹⁸.

Однако захоронение, пусть даже массовое, обезличивающее, включающее единичное тело в поток тел, с биополитической точки зрения не является до конца удовлетворительным решением вопроса о теле врага.

В своем последнем семинаре «Тварь и суверен» Жак Деррида критикует альтернативу кремации и погребения. По мнению Деррида, эта альтернатива является результатом мышления в терминах оппозиций, онтологического мышления, на которое всегда была нацелена деконструкция. Возможность иного исхода для тела, в частности бальзамирования, мумифицирования, которое предохраняет тело от разложения, была исключительно редка в истории и предназначалась для лиц, обладающих исключительной властью, — фараонов и единовластных правителей государств «деспотического» типа¹⁹. Деррида ищет выход за пределы этой альтернативы, за пределы существующей практики обращения с останками, которая, по его мнению, навязывается и контролируется государством, социальными и политическими институтами²⁰.

Как кремация, так и погребение отсылают к фантазму, материалистическому или идеалистическому. Погребение, кото-

17. В данном случае работает также экономическая логика: «...это были бы миллионные непроизводительные траты лесоматериалов и труда. Когда на Интре после войны одного заслуженного мастера деревообделочного комбината похоронили в гробу, то через КВЧ дано было указание провести агитацию: работайте хорошо — и вас также похоронят в деревянном гробу!» (Солженицын А. Указ соч. С. 203).

18. «Тогда начальник Степлага полковник товарищ Чечев велел бульдозерами свалить и столбики, сровнять и холмики, раз ценить не умеют» (Там же. С. 203).

19. О дискуссиях, сопровождавших мумификацию тела Ленина, см.: Трумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1997. С. 90–92.

20. Derrida J. Séminaire. Vol. 2: La bête et le souverain (2002–2003). P.: Galilée, 2010. P. 211.

рое практикуется «религиями Писания», делает возможным для умершего некую форму продолжения материального существования. Быть погребенным — значит иметь место пребывания после смерти, удержать определенную идентичность; это также означает сохранение определенных отношений с близкими, которые смогут посещать могилу. Погребенный продолжает «иметь место» и в этом смысле продолжает существовать.

В свою очередь, кремация низводит труп в состояние пыли и тем самым лишает его дальнейшего существования. Кремированный мертвый «не имеет места», и это объясняет тот факт, что не существует традиции посещать урны подобно тому, как посещают могилы. Материалистический фантазм выживания заменяется другим, идеалистическим фантазмом,

...воображаемой спекуляцией, согласно которой сожженное тело с большей легкостью отправляется на небо, становясь славным, устремленным ввысь, воздушным, духовным, — чем тело, погребенное в своей земной тяжести²¹.

Деррида не желает предоставлять свое тело ни одной из двух конкурирующих сект, или корпораций, — «сжигателям» и «погребателям». Он надеется на грядущую демократизацию похоронных практик, упоминая о «технических возможностях», которые «не обрекли бы тела, если они еще будут существовать, ни на под-земелье почвы, ни на огонь неба или ада»²².

Как и Фуко, Деррида полагает, что при жизни тело всегда было отчуждено от своего владельца. Закрепленное в законе право *habeas corpus* — право собственности на обладание своим телом, некий суверенитет собственника над своим живым телом — никогда в действительности не существовало;

...а его возникновение в законе, сколь бы важно оно ни было, означает лишь некий способ учитывать следствия или управлять следствиями гетерономии и неизбежного (*irréductible*) *non habeas corpus*. И *non habeas corpse* в момент смерти демонстрирует истину этого *non habeas corpus* при жизни упомянутого тела²³.

Иначе говоря, Деррида постулирует существование двух взаимосвязанных процессов отчуждения тела — мертвого и живого — от его собственника. Тот факт, что мы не можем распоря-

21. Ibid. P. 238.

22. Ibid. P. 326.

23. Ibid. P. 210.

жаться своим телом после смерти, показывает, что мы не распоряжаемся им и при жизни. Право на тело всегда принадлежало власти, и тело было отчуждено от своего владельца.

Однако, оказавшись вскоре перед необходимостью выбора, Деррида, в отличие от другого крупного мыслителя смерти, Мориса Бланшо, все же предпочитает погребение кремации²⁴, даже если выбор в пользу погребения никогда не бывает свободным. Как упоминает Деррида, в контексте размышления о кремации следует поднять вопрос о ее использовании в репрессивных практиках XX столетия. В отличие от погребения, которое может нести на себе следы дисциплинарных практик, кремация не оставляет никакого шанса на сохранение идентичности умершего в виде останков. Крематории Освенцима являлись эпицентром лагеря, и безостановочный процесс кремации являлся условием функционирования всей лагерной системы. В качестве попытки остановить машину смерти рассматривался даже план с подрывом крематория²⁵.

В работе *Homo sacer* Агамбен вскользь затрагивает понимание смерти у Хайдеггера, увязывая его с проблемой смерти в лагерях. В «Бытии и времени» Хайдеггер предупреждает об опасности индустриализации смерти, утраты ее свойства как личного события и приобретении ею конвейерного характера. Позднее в качестве примера «индустриальной смерти» Хайдеггер ссылается на смерть заключенного в лагере (Агамбен совершенно справедливо указывает на провокационность подобного примера у философа, связанного с нацистским режимом)²⁶.

24. Петерс Б. Деррида / Пер. с фр. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Кушнareвой при участии В. Анашвили, М. Маяцкого. М.: Дело, 2018.

25. Didi-Huberman G. Images malgré tout. P.: Minuit, 2003. Практика кремации трупов репрессированных существовала и в Советском Союзе. В 1927 году на территории Донского монастыря в Москве был открыт крематорий, где с 1935 года начали сжигать трупы репрессированных во время сталинских «чисток»: «тогда как „всего лишь“ 107 тел было тайно кремировано в 1937 году, в 1940 году тела всех казненных в Москве были кремированы в этом месте» (Anstett E. An Anthropological Approach to Human Remains from the Gulags // Human Remains and Mass Violence: Methodological Approaches / E. Anstett, J.-M. Dreyfus (eds). Manchester: Manchester University Press, 2014. P. 193). Оборудование для крематория было поставлено немецкой фирмой *Topf & Söhne*, которая в начале 1940-х годов разработала печи для крематориев в Освенциме-Биркенау (Ibidem).

26. «В лагерях (как, впрочем, и повсюду в эпоху безусловного господства техники) бытие смерти подвергается остракизму и люди не умирают, а превращаются в продукт производства — трупы» (Агамбен Дж. Указ. соч. С. 80).

Однако в данном контексте следует рассматривать также и лагерную практику обращения с мертвыми телами, в данном случае — практику кремации. В процессе погребения и кремации тело отдается во власть одной из двух стихий — соответственно, земли или огня²⁷. Это взаимоисключающие решения, и кремация может рассматриваться как некая форма «лишения земли». В этом контексте нельзя оставлять без внимания проблематику «земли» у двух мыслителей, каждый из которых находился в более или менее тесной связи с идеологией нацизма, — Мартина Хайдеггера и Карла Шмитта. Подробно рассмотреть этот вопрос в рамках данной статьи не получится, однако можно попытаться реконструировать интересующую нас проблематику в общих чертах.

Роль земли для Хайдеггера и Шмитта является ключевой, поскольку и тот и другой, хотя и по-разному, определяют «человека» через его связь с землей.

Рассуждая о земле, Хайдеггер выходит за рамки собственно философских понятий в область мифологии и поэзии. Земля — архаическое, мифопоэтическое понятие. По Хайдеггеру, одной из важнейших характеристик земли, находящейся в отношениях «спора» (*Streit*) с «миром», является ее замкнутость, завершенность, закрытость к внешним вторжениям:

Земля такова, что всякое стремление внедриться в нее разбивается о нее же самое. Земля такова, что всякую настойчивость исчисления она обращает в разрушение. Как бы ни кичилась разрушительная настойчивость видимостью своей власти, видимостью развития и прогресса в облике научно-технического опредмечивания природы, эти власть и господство навеки останутся бессилием желаний²⁸.

Пользование землей не должно быть ее потреблением, эксплуатацией, однако призвано раскрывать ее подлинную сущность. В отличие от агрохолдинга, крестьянин не эксплуатирует землю, а раскрывает ее кормящую суть, давая земле быть собой. Тематика человека, живущего на земле, присутствует в «Истоке художественного творения» повсеместно, в частности в знаменитом рассуждении о башмаках крестьянки. На земле живет народ, нация; на ней же стоит храм, который словно вырастает из земли и явля-

27. Можно также говорить о земле и огне в перспективе Гастона Башляра, хотя перспектива Башляра не является политической.

28. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 149.

ется концентрацией, кристаллизацией ее сущности. В храме обитает «гений места». Храм, как и любое произведение искусства, раскрывает не абстрактную истину, а истину своего народа, своей земли. В философии Хайдеггера фигурам крестьянина и ремесленника регулярно противопоставляется фигура передвигающегося, оторванного от земли горожанина-космополита (капиталиста, туриста, еврея и т. д.).

Важную роль в рассуждении Хайдеггера о земле также играет проблема техники как выражения «поставляющего» характера новоевропейского мышления. Если традиционный мост встраивается в реку, то электростанция, то есть технически совершенный объект, заключающий водный поток в свои объятия, превращает реку в предмет потребления. Если крестьянин живет на земле, поддерживая с ней архаические отношения, то агрохолдинг эксплуатирует, потребляет землю посредством техники.

Однако техника может вторгаться даже в обращение с мертвым телом, денатурируя этот процесс, отделяя мертвое тело от завершающей фазы его бытия — возвращения к земле. Безусловно, с хайдеггеровской точки зрения, кремация представляется индустриальным процессом, перенесенным в практику обращения с мертвым телом. Не следует думать, что она является возвратом тела «земле» и «в землю»; кремированное тело не знает земли и, более того, не занимает места в самом пространстве, в мире (*nicht weltet*, пользуясь словарем Хайдеггера). Кремированное тело не является *Dasein*, и, в отличие от *Dasein*, оно всегда находится «не здесь». Само сохранение пепла умершего в урне в качестве «останков» является пережитком, вызванным влиянием практик погребения на практику кремации. В отличие от останков, пепел безличен: он не обладает спецификой, отличительными особенностями, свойственными умершему, и не является «им». У пепла нет характеристик, которые позволили бы идентифицировать его в качестве *чьего-либо* пепла, то есть распространить на него требования идентификации, применяемые к живым или мертвым телам²⁹.

29. Массовая кремация тел в нацистских лагерях осуществлялась в обход действующего в Германии закона о гражданской кремации, предписывающего кремацию лишь одного тела с помощью горячего воздуха (и воспреещающего непосредственный контакт тела с пламенем). В случае затребования останков родственниками, являвшимися гражданами Рейха, власти просто выдавали родственникам часть пепла из общей кучи (*Mailänder E. A Specialist: The Daily Work of Erich Muhsfeldt, Chief of the Crematorium at Majdanek Concentration and Extermination Camp,*

Онтологической особенностью пепла является его «резистентность» к любым характеристикам, любым попыткам описать его, приписать к существующим категориям сущего. Субстанциальная и цветовая неопределенность пепла сопротивляется понятиям. «Срок жизни» пепла краток, и его «судьба» — развеивание, рассеяние, диссеминация³⁰. Однако это не означает, что стихией кремированного тела является воздух. Хотя пепел способен вступать во взаимодействие с воздухом, водой или землей, образуя смеси, как таковой он не принадлежит ни одной из этих стихий. Деррида указывает на «дифференциальную» природу пепла, определяя его как различие между тем, что остается, и тем, что есть (*la différence entre ce qui reste et ce qui est*). Пепел не материален, не нематериален, обладая схожим онтологическим статусом со следом и призраком. Было бы неправильным утверждать, что пепла нет, однако равным счетом нельзя сказать о пепле, что он есть, что он наличествует таким же образом, как и все остальные виды бытия: *Il y a la cendre, mais une cendre n'est pas* («Пепел имеется, однако он не есть»)³¹. Пепел характеризуется также временной неопределенностью, «не удерживаясь в настоящем»³².

Кремированное тело обращается в прах, пепел, то есть в пустоту или чистое ничто. Аннигиляция тела может рассматриваться Хайдеггером как частный случай нигилизма, который, по его мнению, является сущностью новоевропейского мышления. Таким образом, кремация может выступать как удел нигилиста — добровольный, в случае сознательного выбора «материалиста», или, как в случае лагерей, недобровольный: аннигиляция предстает здесь как репрессивная мера, как намеренное осуществление «нигилистической программы» в отношении того, кто является носителем нигилизма, как лишение привилегии земли, связи с которой у космополита никогда и не было. Кремация мыслится как окончательный конец, осуществление тождества судьбы человека и судьбы пепла. Кремация воспринимается как необратимый процесс и не предполагает воскресения, то есть движения вспять,

1942–1944 // *Destruction and Human Remains: Disposal and Concealment in Genocide and Mass Violence* / E. Anstett, J.-M. Dreyfus (eds). Manchester: Manchester University Press, 2014. P. 52).

30. Пепел не занимает места: «Пепел — это не труп. Он не занимает места, потому что он не имеет места, он развеивается» (*Derrida J. La bête et le souverain*. P. 242).

31. *Idem. Feu la cendre*. P.: Éditions des femmes, 1987. P. 23.

32. Деррида Ж. Шибболет / Пер. с фр. и коммент. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2012. С. 104.

прохождения в обратном порядке стадий на пути к возрождению, которые должно проходить погребенное тело³³. Как известно, сам Хайдеггер, как и Деррида, предпочитает погребение кремации.

В размышлениях Карла Шмитта проблематика земли предстает в ином развороте. Шмитт ведет речь не о мифологическом или географическом, а о юридическом понятии земли. «Политика земли» у Шмитта предстает как более абстрактная, чем у Хайдеггера, и отношение между телом и землей здесь опосредовано законом. Однако, ссылаясь на Иоганна Бахофена, Шмитт признает, что правовая проблематика изначально связана с мифологическим и «крестьянским» мышлением.

По Шмитту, исторически вся система традиционного права так или иначе связана с землей, ее захватом и размежеванием. Шмитт противопоставляет землю морю, подвижной стихии, на поверхности которой не видны никакие разграничения и которая не может стать основой для учреждения стабильного закона. Любое право — право того, кто живет на земле, а сама земля дает оседлому субъекту его право. У кочевника, то есть человека, находящегося в движении, подобно хайдеггеровскому космополиту и туристу, не может быть верной идея права. Представитель меньшинства или космополит в силу отсутствия собственной земли не может, по Шмитту, понять территориальную сущность закона³⁴. До XVI века господствует исключительно «сухопутное» мышление, а деградация земельной системы права начинается лишь в Новое время: переход от сухопутного образа жизни к морскому и индустриальная революция в Англии Нового времени ведут к подрыву территориального мышления и господству конституционного либерализма. Появление новой стихии — воздуха, а вернее, возможности захвата воздуха — изменит сложившуюся систему суверенитета, систему глобального права, европейского права.

Как известно, Шмитт критикует либеральные представления о праве, отказываясь связывать идею права с человеческим статусом его субъекта; иными словами, согласно Шмитту, человек наделяется правами не в силу своей человечности, а в силу обладания землей. Развивая эту логику, можно предположить, что тот, кто не захватывает землю и не обладает ею, не может претендовать на те же права, что и житель земли, носитель «культуры поч-

33. См. анализ превращения куколки в бабочку как процесса воскрешения у Розанова и Башляра (*Башляр Г. Земля и грезы о покое* / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001. С. 157).

34. *Шмитт К. Номос земли*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 566.

вы». Лишенность земли, атерриториальность должна автоматически повлечь за собой поражение в правах, кульминацией которого является «состояние голой жизни» (лишенный земли субъект оказывается привилегированным объектом осуществления власти).

Как внутри этой юридической логики мыслить погребение? Вероятно, само погребение следует рассматривать как последнее право и последнюю привилегию. Как напоминает Шмитт, идея возвращения в землю является классической для священных текстов:

Священные книги повествуют нам о том, что человек взят от земли и должен вновь соделаться прахом земным. Земля — это его материнское лоно, он сам, таким образом, сын земли³⁵.

Возможность захоронения в земле того, кто не является ее обладателем, входит в противоречие с его не-теллурическим статусом. В свою очередь, кремация является методом «детерриториализации» тела, не требует для тела земли, а значит, в целом соответствует вне-юридическому, вне-законному статусу того, кто кремирован. Кремированное тело как бы находится в пустоте, и, более того, оно и есть ничто, *есть сама пустота* — для Шмитта, как и Хайдеггера, это понятие является синонимом нигилизма.

В связи с этим следует (не вдаваясь в полемику, которая ведется по этому поводу) еще раз поднять вопрос о слове, которое используется для обозначения самой экстерминации. Как известно, использование понятия «холокост» является неуместным с этической точки зрения. Вердикт Агамбена, который долго комментирует это понятие, состоит в следующем. Существует два основных мотива, делающих весьма нежелательным использование термина «холокост» применительно к геноциду евреев:

Первый заключается в том, что этот термин неосмотрительно используется Отцами Церкви в качестве полемического оружия против евреев, чтобы осудить тщетность кровавых жертвоприношений... Второй факт заключается в том, что этот термин метафорически распространяется на христианских мучеников, чтобы приравнять их страдания к жертвоприношению³⁶.

Иными словами, использование данного термина у христианских авторов всегда имело антисемитскую направленность, более или

35. Там же. С. 573.

36. Агамбен Дж. Указ. соч. С. 30.

менее ярко выраженную. Оно предполагает использование языка палачей и, таким образом, представление события в оптике палачей, а не жертв.

Однако странно, что Агамбен не устанавливает никакой связи между двумя вещами — огнем холокоста и огнем крематориев Освенцима. Понятие Нового Завета *holocausta* переводится на русский язык как «всесожжение» жертвы. Такой перевод оставляет место двойственности, поскольку всесожжение может пониматься и понимается в первую очередь как сожжение «всего существующего», «всего вокруг». Однако значение греческого слова другое: речь идет о сожжении жертвы *полностью*, дотла, до состояния пепла. Именно на такое сожжение обрекает жертву огонь крематория. Безостаточное сожжение останков противоречит самому статусу *останков* (реликвий, мощей) и является отказом в этом статусе.

По своему действию к кремации приближается более простая в техническом отношении практика заливания останков жертвы негашеной известью. Подобная практика применялась и после окончания репрессий для уничтожения уже захороненных останков. Использование извести также приводит к почти полному уничтожению тел, которые превращаются в однородную неорганическую субстанцию, однако, в отличие от кремации, для перевода органического в неорганическое здесь используется химическая реакция. Кроме того, однородная неорганическая масса, полученная в результате подобной операции, все же не может окончательно приравняться к пеплу, обладая субстанциальностью и местом³⁷.

В заключение следует заметить, что техника обращения с телом «врага» зависит также от степени «чрезвычайного состояния», которым оказывается окружен «враг»: практика радикального, полного, безостаточного уничтожения тела жертвы, как правило, соответствует высочайшему уровню «чрезвычайности» и немед-

37. «Специальное подразделение КГБ по уничтожению массовых захоронений в шестидесятых годах, таясь от чужих глаз, бурило скважины, в которые засыпали негашеную известь и закачали воду, дабы уничтожить следы того, что здесь в свое время происходило» (Макиеев В. Время, дороги, книги... // Знамя. 2010. № 8. С. 165). Подобный метод использовался и для уничтожения останков жертв нацизма. В этой связи огромное значение имеет свидетельство Мордехая Подхлебника об операции по извлечению уже захороненных трупов Вильнюсского гетто с целью их уничтожения: таким образом, захоронение рассматривается как неудовлетворительное решение «вопроса» о теле жертвы (см. «Шоа»).

ленному, не отсроченному преданию смерти (в частности, в Советском Союзе подобные практики распространяются на репрессированных «по первой категории»).

Безусловно, приведенные выше размышления носят предварительный и весьма общий характер. Углубленное изучение вопроса потребовало бы привлечения значительной массы фактов, то есть работы с большим количеством исторических и литературных источников. Однако уже на данном этапе ясно, что в XX веке мертвое тело лишается сакральности и процедура обращения с ним уже не определяется ритуалом. Мертвое тело, как и тело живое, пребывает в политическом поле, и обращение с ним определяется прежде всего политической логикой; ритуальная, иррациональная сторона отношения к смерти и мертвому телу полностью исчезает. В данной статье мы попытались рассмотреть наиболее радикальные, *предельные* практики обращения с мертвыми телами «врагов», которые в концентрированном виде заключают в себе тенденции, определяющие отношение к мертвым телам и на периферии политических процессов.

Вслед за Фуко мы попытались показать, что логика обращения с мертвым телом определяется господствующим типом власти. Прежде всего, мертвое тело, как и живое, оказывается на перекрестке как минимум двух техник власти — дисциплинарных практик и биополитики. Можно утверждать, что мертвое тело врага становится объектом двух взаимоисключающих требований. С одной стороны, оно продолжает оставаться в поле действия дисциплины, подвергаясь контролю, учету, регистрации и т. д. С другой стороны, оно рассматривается как часть массы тел, вливается в общий органический поток, то есть на него направляются меры биополитического характера (например, погребение может быть индивидуализирующим или, напротив, носить массовый характер).

В статье также рассмотрена альтернатива кремации и погребения. В современных условиях данная альтернатива имеет не ритуальный, а политический смысл. Если погребение, пусть даже массовое, предусматривает для погребенного некую форму продолжения существования, то кремация, превращающая тело в пепел (иначе говоря, в ничто), является самой радикальной мерой, в наибольшей степени соответствующей биополитическому требованию искоренения «вражеской» породы. Идея обращения огня на вражеский «род», всесожжения («холокоста») обнаруживается у некоторых христианских авторов Средневековья и часто носит антисемитский характер. Наконец, в теллурической философии

Хайдеггера и Шмитта кремация также может рассматриваться как «лишение земли»: перевод тела в неорганическое ничто предстает как удел новоевропейского нигилизма и нигилиста, как лишение «возвращения к земле», которое предписывается традицией.

Библиография

- Агамбен Дж. Номо Сасер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.
- Башляр Г. Земля и грезы о покое. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- Демидов Г. Без бирки // Чуждая планета. М.: Возвращение, 2008.
- Демидов Г. Дубарь // Доднесь тяготее. М.: Возвращение, 2004. Т. 2: Колыма.
- Деррида Ж. Шибболет. СПб.: Machina, 2012.
- Макшеев В. Время, дороги, книги... // Знамя. 2010. № 8. С. 156–172.
- Петерс Б. Деррида. М.: Дело, 2018.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991.
- Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, V–VII. М.: Книга, 1990.
- Трумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1997.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.
- Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008.
- Шаламов В. Графит // Малое собр. соч. СПб.: Азбука, 2016.
- Шаламов В. Тетя Поля // Малое собр. соч. СПб.: Азбука, 2016.
- Шмитт К. Номос земли. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Anstett E. An Anthropological Approach to Human Remains from the Gulags // Human Remains and Mass Violence: Methodological Approaches / E. Anstett, J.-M. Dreyfus (eds). Manchester: Manchester University Press, 2014. P. 181–198.
- Derrida J. Feu la cendre. P.: Éditions des femmes, 1987.
- Derrida J. Séminaire. Vol. 2: La bête et le souverain (2002–2003). P.: Galilée, 2010.
- Didi-Huberman G. Images malgré tout. P.: Minuit, 2003.
- Foucault M. Des espaces autres // Dits et écrits / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 1990. T. IV: 1980–1988.
- Mailänder E. A Specialist: The Daily Work of Erich Muhsfeldt, Chief of the Crematorium at Majdanek Concentration and Extermination Camp, 1942–1944 // Destruction and Human Remains: Disposal and Concealment in Genocide and Mass Violence / E. Anstett, J.-M. Dreyfus (eds). Manchester: Manchester University Press, 2014. P. 46–68.

GOVERNING THE DEAD: DISCIPLINE AND BIOPOLITICS

DENIS SKOPIN. Associate Professor, Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College), denis.skopin@mail.ru.
St. Petersburg State University (SPbU), 58–60 Galernaya str., 190000 St. Petersburg, Russia.

Keywords: discipline; biopower; body; death; concentration camp; cremation; burial; embalming.

The analysis of practices applied to the body of dominated subjects — their spatial disposition, military drills, corporal punishment and execution — occupies an important place among Michel Foucault's theories. This article provides an analysis of practices that are not governed by any ritual but by the dominant political mechanisms as those practices are applied to dead bodies. In other words, the logic of Foucault's analysis is extended to the dead body, in particular to that of a political prisoner.

The dead body, as well as the living one, is arguably located at the intersection of two types of power described by Foucault: disciplinary power and biopolitics. On the one hand, the corpse is the focus of disciplinary mechanisms that seek to identify and individualize it, and also to prevent it from dissolving into the mass of other anonymous corpses that have completely exhausted their potential for use. On the other hand, the inmate's body can be subjected to more radical, massifying, and anonymizing practices that treat it as part of a population to be exterminated. The paper analyzes two ways of treating the corpse: cremation and burial. In the 20th century, the ritual significance of cremation and burial has been replaced by a political one, especially when they are used as repressive measures applied to the corpse of an inmate that died in a concentration or labor camp. In terms of their political meaning, these two practices are not at all equivalent.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-82-101

References

- Agamben G. *Homo Sacer. Chto ostaetsia posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo Sacer. Quel che resta di Auschwitz. L'archivio e il testimone], Moscow, Evropa, 2012.
- Anstett E. An Anthropological Approach to Human Remains from the Gulags. *Human Remains and Mass Violence: Methodological Approaches* (eds E. Anstett, J.-M. Dreyfus). Manchester: Manchester University Press, 2014, pp. 181–198.
- Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow, Tsentrkom, 1996.
- Bachelard G. *Zemlia i grezy o pokoe* [La terre et les rêveries du repos], Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2001.
- Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert'* [L'échange symbolique et la mort], Moscow, Dobrosvet, 2000.
- Demidov G. Bez birki [Without Label]. *Chudnaia planeta* [Odd Planet], Moscow, Vozvrashchenie, 2008.
- Demidov G. Dubar' [Frigging Cold]. *Dodnes' tiagoteet* [It Presses Upon to this Day], Moscow, Vozvrashchenie, 2004, vol. 2: Kolyma.
- Derrida J. *Feu la cendre*, Paris, Éditions des femmes, 1987.

- Derrida J. *Séminaire. Vol. 2: La bête et le souverain (2002–2003)*, Paris, Galilée, 2010.
- Derrida J. *Shibboleth* [Shibboleth], Saint Petersburg, Machina, 2012.
- Didi-Huberman G. *Images malgré tout*, Paris, Minuit, 2003.
- Foucault M. *Des espaces autres. Dits et écrits* (dir. D. Defert, F. Ewald), Paris, Gallimard, 1990, tome IV: 1980–1988.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'* [Surveiller et punir], Moscow, Ad Marginem, 1999.
- Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniia* [Der Ursprung des Kunstwerkes], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.
- Mailänder E. A Specialist: The Daily Work of Erich Muhsfeldt, Chief of the Crematorium at Majdanek Concentration and Extermination Camp, 1942–1944. *Destruction and Human Remains: Disposal and Concealment in Genocide and Mass Violence* (eds E. Anstett, J.-M. Dreyfus), Manchester, Manchester University Press, 2014, pp. 46–68.
- Maksheev V. *Vremia, dorogi, knigi...* [Time, Roads, Books...]. *Znamya*, 2010, no. 8, pp. 156–172.
- Peeters B. *Derrida*, Moscow, Delo, 2018.
- Rossi J. *Spravochnik po GULAGu* [The Gulag Handbook], Moscow, Prosvet, 1991.
- Schmitt C. *Nomos zemli* [Der Nomos der Erde], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008.
- Shalamov V. Grafit [Graphite]. *Maloe sobr. soch.* [Compact Collected Works], Saint Petersburg, Azbuka, 2016.
- Shalamov V. Tetia Polia [Aunt Poly]. *Maloe sobr. soch.* [Compact Collected Works], Saint Petersburg, Azbuka, 2016.
- Solzhenitsyn A. *Arkhipelag GULAG, V–VII* [The Gulag Archipelago, V–VII], Moscow, Kniga, 1990.
- Trumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoi Rossii* [Lenin is Alive! Cult of Lenin in Soviet Russia], Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 1997.